Окунева И. В.

КУЗБАСС В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/2/31.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 2 (2). С. 69-74. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Современное развитие высшего образования не может не учитывать исторических уроков прошлого. Один из главных - отказ от идеологического диктата партийных структур уже осуществлен. Из вузов и техникумов выведены партийные организации, практически отсутствуют молодежные объединения. Теперь вузам и техникумам предоставлена самостоятельность в организации учебно-воспитательного и научно-производственного процессов. Но вместе с тем необходимо признать, что наряду с несомненными преимуществами современности возникло и немало проблем.

Высшее образование является основным звеном системы подготовки высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства страны. Благополучие этого звена как следствие ведет к успеху в развитии национальной экономики в целом. Поэтому в целях сохранения и приумножения интеллектуального богатства нации основную роль в материально-технической и социальной поддержке вузов должно взять на себя государство.

Список использованной литературы

1. **Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам**. - М., 1968. С. 250.
2. **Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 г.г. -** М., 1946.
3. **Культурное строительство в Мордовской АССР**. Ч. 2 – С.106.
4. **ЦГИА РБ.** Ф.933. Оп.1. Д.5152. Л.33.
5. **ЦГА РМ.** Ф.Р-546, Оп. 1. Д.284. Л.15
6. **ЦДНИ МР.** Ф.269. Оп. 4. Д.872. Л.8.
7. **ЦГА УР Ф. 1282.** О. 2. Д. 113. Л. 14.
8. **Крисанова Н. А.** Высшая школа Мордовии 1931-1956гг.(формирование научно-педагогических кадров). Дисс …к.и.н. Саранск, 1999. С 198.
9. **ЦГА УР.** Ф. Р-1282. Оп.1. Д. 90, 153, 207, 264. Ф. Р-1282. Оп.2. Д..97. Л.98; Ф. Р-1335. Оп.1. .Д.12. Л.15, 58; Ф. Р-1344. Оп.1. Д..21, 27; Ф. Р-1457. Оп.1. Д..319; ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.5579; Ф.207. О.п.1. Д.36. Л.38
10. **ЦГИА РБ.** Ф.933. Оп.1. Д.5152. Л.27,28,33.
11. **ЦДНИ РМ**. Ф.256. Оп.1. Д.819. Л.92.
12. **ЦГА ОО РБ**. Ф.122. Оп.25. Д.144. Л.5

КУЗБАСС В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Окунева И. В.

Кемеровский государственный университет

Эпоха средневековья одна из сложных в истории человечества. На огромных пространствах степей Евразии возникали и исчезали воинственные кочевые империи. Кузнецкий край являлся периферией этих динамичных, насыщенных войнами исторических процессов и событий. Население земли кузбасской эпизодически испытывало влияние политических событий, происходивших на стыке Центральной Азии и Сибири.

В эпоху средневековья население Кузнецкого края не знало письменности, соответственно нет письменных источников, где были бы отражены хотя бы отдельные события средневековой истории Кузбасса. Письменность была у древних тюрок, кыргызов, уйгуров, но в письменных источниках этих народов нет упоминаний о населении Кузнецкой котловины. Тем более такие отдалённые территории не представляли интереса для китайских историков. Поэтому история Кузбасса эпохи средневековья может быть реконструирована только на основании археологических материалов.

Эпоха раннего средневековья хронологически соответствует VI-X векам. В это время на территории Центральной Азии появляются государственные образования, созданные тюркскими по происхождению правящими династиями: Первый Тюркский каганат, который существовал с 552 г. по 630-е годы, Второй Тюркский каганат 679-742 гг., Уйгурский каганат 745-840 гг., Кыргызский каганат 840 г. – конец X века, Кимакский каганат IX-X веков. Тюркские государства Центральной Азии оказывали влияние на ход исторических процессов на территории Южной Сибири, в том числе и на территории современного Кузбасса.

К эпохе раннего средневековья VI-X вв. на территории Кузбасса относится ряд памятников, это поселения, клады и курганные захоронения.

Раннесредневековые поселения лучше всего изучены в бассейне р. Томи. Это такие памятники как Лачиново-1, Сосновка-3, Сосновка-4, Курья-4, Кыргай-1, Кыргай-2, Красулино-1, Казанково V, Подстрелка-1, Мундыбаш-1, Печергол, Усть-Анзас-1. Эти поселенческие комплексы связаны с кругом таёжных культур Приобья. На некоторых поселениях исследованы жилища, они были небольшими по размеру, слегка углублёнными, в плане округлой или подквадратной формы, следы деревянных конструкций обычно не прослеживаются. В центре жилища был расположен очаг. Жилища эпохи средневековья могли иметь и другую форму, так, на поселении Анчёшевка, расположенном в Беловском районе, в верховьях р. Ур, исследовано многоугольное в плане жилище предположительно каркасного типа [Бобров, Добжанский 1997: 102].

В культурном слое многих поселений встречаются кости животных, зернотёрки, единичные металлические предметы; фиксируются следы железоделательного производства (шлаки, куски глиняных частей печей, сопла) и следы выплавки цветных металлов (тигли). Но наиболее массовым материалом на поселениях является керамика.

Сосуды были лепными, в основном с округлым дном. По форме это могли быть высокие митровидные сосуды, часто довольно больших размеров, высотой до 30 см; низкие чаши с округлым дном и большим диаметром венчика; высокие чаши с округлым дном; горшковидные сосуды с плоским дном. Практически все они орнаментированы. Преобладает керамика с включением в композицию круглых ямок, реже встречается орнамент в виде «жемчужин». Но сочетание этих двух орнаментальных элементов никогда не использовали. Нередки насечки или пальцевые вдавления по краю сосуда, реже встречаются наколы по верхней поверхности венчика. Гребенчатый штамп для орнаментации использовали также очень редко. Орнамент расположен преимущественно по венчику сосуда горизонтальной зоной или горизонтальная зона сочетается с так называемыми «свисающими» элементами (валики, прочерченные линии), расположенными вертикально или наклонно, иногда вплоть до зоны дна.

Особенностью раннесредневековых поселений Притомья является то, что практически на всех их присутствует валиковая керамика. Это были большие митровидные сосуды с округлым дном, украшенные налепным валиком, гладким или рассечённым гребёнкой. Валик мог располагаться в верхней части сосуда в один, редко два ряда, дополнительно на сосуд наносили ряды ямок над валиками или под ними, а также гладкие насечки по краю венчика.

Сосуды могли иметь более сложную орнаментальную композицию: в верхней части венчика шёл налепной валик, под ним ряд круглых ямок, по плечику сосуда были нанесены от одного до трёх рядов горизонтального валика, а от них ко дну сосуда лучами шли налепные валики, расположенные на равном расстоянии друг от друга, редко попарно. На поселении Сосновка-3 найден сосуд, украшенный горизонтальным валиком в сочетании с валиком, образующим треугольники, направленные углами вниз. В широких хронологических пределах валиковую керамику можно датировать второй половиной I тыс., более узкая дата, по крайней мере, VIII-X вв. [Ширин 1997: 69; Ширин 2004: 25].

Можно предположить, что орнаментация валиковых сосудов являлась отражением определённых идеологических представлений населения Среднего Притомья. Горизонтальный налепной валик наносился, вероятно, для укрепления стенки сосуда в месте соединения горла и тулова, причём в большей степени он имел не технологическое, а семантическое значение, был своеобразным оберегом, то есть защищал наиболее уязвимые части сосуда. Вертикальные валики имели не только декоративное, но и семантическое значение: если сделать развёртку сосуда с вертикальными валиками, то на рисунке получится солнце с расходящимися лучами. Устье сосуда в этом случае образует диск солнца, обрамленный кругами валика, нанесённого на сосуд горизонтально, и кругом ямок; вертикальные валики образуют лучи солнца. Круг, то есть графическое изображение шара, символизировал не только космос, но и был образом основного божества, а в качестве такого божества наиболее часто выступало солнце. Может быть, валиковые сосуды были принадлежностью солярного культа, использовались в качестве ритуальной посуды.

Материалы раннесредневековых поселений Притомья позволяют ставить вопрос о существовании здесь самостоятельной археологической культуры, которую предложено назвать лачиновской [Бобров, Новгородченкова 1987: 156-159; Окунева 1997: 52-53]. Эта культура входила в круг таёжных культур Западной Сибири.

Ареал распространения поселений с валиковой керамикой – верхнее и среднее течение р. Томи, бассейн рек Кондома и Мрассу. Вне территории Кузбасса такая керамика известна в Томском Приобье и на Средней Оби. Средневековая валиковая керамика Притомья не имеет местных истоков, эта орнаментальная традиция появляется здесь в сложившемся, законченном виде. Можно предположить, что оставившее её население было достаточно однородным. Скорее всего, истоки данной культурной традиции находятся в восточных районах – в Нижнем Приангарье и Красноярской лесостепи, а возможно и более удаленных, например, в бассейне Лены или районах юго-восточного Забайкалья.

Причиной массового переселения значительных групп населения из Красноярской лесостепи могли стать исторические процессы и события, происходившие в Минусинской котловине. В частности, к этому могло привести образование государства енисейских кыргызов и рост военной активности этого государственного образования. Но не исключены и другие исторические причины миграции населения, носителей валиковой орнаментальной традиции. В частности, события, которые происходили на юге Дальнего Востока в приграничье с Китаем. Пути переселения по археологическим данным не прослеживаются. На возможный маршрут миграции могут указывать материалы поселения Смирновский ручей 1, расположенного на берегу р. Кии. Здесь в слое эпохи средневековья найдена керамика, орнаментированная острорёберным налепным валиком [Бобров 1982: 88].

Возможно, отсутствие массовых археологических материалов, проливающих свет на проблемы переселения, объясняется тем, что миграция была довольно быстрой, а может быть, это связано с плохой изученностью средневековых памятников севера Кемеровской области [Ширин 1997: 69]. Пришлые племена, освоив прибрежные районы Притомья, активно взаимодействовали с аборигенным населением Кузнецкой котловины.

На территории Кемеровской области известны и другие поселения эпохи раннего средневековья, которые принадлежат иной археологической культуре. Однако не все они исследованы в достаточной степени.

Точно датированных памятников VI в. в Кузнецкой котловине нет. Наиболее известные могильники VII-IX веков находятся на территории Промышленновского и Ленинск-Кузнецкого районов – памятники Ваганово-1, Сапогово-I, II, Калтышино-II. По материалам этих и других могильников оказалось возможным выделить вариант верхнеобской археологической культуры [Васютин 1999: 11]. Памятники верхнеобской культуры известны по всей территории лесостепного Приобья. Южной границей культуры были предгорья Алтая, запад-

ной – зона контакта Верхнего Приобья и Барабинской лесостепи, северной – южная кромка тайги. Кузнецкая котловина являлась восточным районом распространения верхнеобской культуры.

Захоронения население Кузнецкой котловины совершало только по обряду трупосожжения. Умерших сородичей хоронили в определенных для этих целей местах. У каждой семьи была своя площадка, которая имела ритуальное значение. Именно на ней помещали остатки сожжения или на поверхности земли, или в неглубоких ямах. Ямы были ориентированы по оси северо-восток – юго-запад, в них сохранились деревянные перекрытия, берестяные настилы и покрывала. Погребенных сопровождали вещи, которые были ему необходимы в другом мире. После похорон совершали поминальную тризну, приносили в жертву животных. Об этом свидетельствуют остатки костров, кости домашних животных, фрагменты посуды. Потом над могилами возводили курган.

В некоторых случаях кремацию умершего совершали на месте курганного пространства. Так, в курганном могильнике Ваганово-1 были зафиксированы следы погребальных костров [Васютин, Окунева 1997: 31-34] Это мощные покалы площадью 12-16 квадратных метров, которые включают кроме пепла сожжённого человека металлические и костяные изделия, древесный уголь и фрагменты обугленной бересты. Предметный комплекс и отдельные элементы погребального обряда находят аналогии в археологических культурах Новосибирского и Томского Приобья. Это свидетельствует о том, что Кузнецкая котловина в VII-IX вв. входила в верхнеобскую этнокультурную общность. В это время в Центральной Азии существовали тюркские каганаты, и государства кочевников оказывали влияние на облик культуры населения Кузнецкой котловины, в погребениях известен ряд предметов, заимствованных у жителей степей – металлическая посуда, украшения, оружие и снаряжение верхового коня.

На территории Кемеровской области были найдены клады, которые датируются эпохой раннего средневековья. Терёхинский клад был обнаружен в 1908 году у д. Терёхино недалеко от современного Новокузнецка. Он насчитывал более 100 золотых вещей и был датирован VI-VIII веками. Клад сначала поступил в музей Томского университета, а потом в Археологическую комиссию. Из предметов этого клада в Археологическую комиссию, а затем в фонды Эрмитажа поступили два рога от перекрестия меча, золотые цилиндрики, застёжки, ободок, пять золотых бляшек от застёжек в виде лилий, 48 золотых выпуклых бляшек, несколько наконечников с головами львов, бляшки в виде трилистника и другие предметы. Часть клада была утеряна, в том числе три византийские монеты. Терёхинские находки условно можно назвать кладом. Не исключено, что это было захоронение знатного воина – предводителя объединения племен.

Позднее, в 1927 году, был найден Елыкаевский клад, у д. Елыкаево Кемеровского района. В состав этого клада входят более 140 металлических предметов, в том числе железные мечи, кинжалы, копья, наконечники стрел, бронзовые зеркала и культовые изображения (бляха с изображением лица человека, фигурки всадника, собаки, медведя). Этот клад был передан в музей Томского университета и позднее датирован VII-VIII веками.

Лебединский клад был обнаружен в 1988 году у с. Лебеди в Промышленновском районе, сейчас он хранится в Кемеровском областном краеведческом музее. В составе клада 75 изделий, в том числе бляшки, пряжки, колокольчики, перстень, подвески, сделанные из бронзы, костяная пластина, раковина каури, бронзовые и стеклянные бусы. Хронология клада – вторая половина VII – первая половина VIII вв. Вещи Лебединского клада интерпретированы как принадлежность костюма шамана, возможно, владелец вещей был служителем религиозного шаманского культа [Бобров 2002: 206-212; Кузнецова 2002: 133-134].

В погребениях могильника Саратовка, в погребениях Сапоговского могильника в единичных экземплярах найдены китайские монеты. Самая древняя китайская монета, найденная в погребениях, была чеканена во II веке до нашей эры. Наличие в захоронениях эпохи раннего средневековья таких монет может свидетельствовать о существовании торговых отношений с Китаем. А возможно, эти монеты попали на территорию Кузбасса в результате многоступенчатого обмена и использовались как украшения. О связях местного населения с народами Центральной Азии и Дальнего Востока свидетельствуют также другие находки.

Раннесредневековые могильники исследованы в основном на территории Кузнецкой котловины. В северо-восточной части Кемеровской области известны только два впускных захоронения с лошадью, которые были обнаружены в кургане таштыкского времени Шестаковского могильника. Они датируются VIII в. Появление здесь таких погребений указывает на начало тюркизации местной культуры, о проникновении сюда каких-то групп тюркского населения, алтае-телеских тюрков. Подобные памятники известны и на территории Новосибирского Приобья. Причиной этого могли быть события, связанные с образованием Уйгурского каганата в 745 году, когда тюрки Второго тюркского каганата вынуждены были расселиться в северном и западном направлениях.

В IX-X вв. в Центральной Азии происходят события, которые оказали значительное влияние на ситуацию в Южной Сибири. В 840 году кыргызам после длительных войн удалось разгромить уйгуров, создать огромную державу – Кыргызский каганат. С этого времени начинается эпоха кыргызского великодержавия. Уйгуры после разгрома бежали с территории Монголии по всем возможным направлениям: к границам Китая, в Турфанскую котловину, где они создали Ганьчжоуское и Турфанское княжества; в Забайкалье, в Джунгарию и Семиречье. Для нашей темы наиболее важно отметить северо-западное направление, когда масса телеских племён, до этого входившая в состав Уйгурского каганата, стала распространяться в районы Западной Сибири, на Верхний Иртыш, вплоть до Южного Приуралья. С разгромом Уйгурского каганата связан очередной этап тюркизации населения Сибири и образование Кимакского каганата с центром на р. Иртыш.

Памятники IX-X вв., исследованные на территории Кузнецкой котловины, относятся к сросткинской археологической культуре. Это могильники Ур-Бедари у г. Гурьевска, Камысла и Новокамышенка на р. Ине, могильник у с. Тарасово, могильники Саратовка, Шабаново, Шанда и др. [Савинов 1994:. 94-95]. Известны и поселения, например, Гурьевское [Елькин 1974: 119-129]. Сросткинская культура – это культура тех племен, которые входили в состав кимако-кыпчакского государства. Центр Кимакского каганата находился на Иртыше.

По письменным источникам известно, что южная граница этого государственного образования проходила по северо-западной Монголии, западная граница была подвижной и могла достигать юго-восточной части Южного Приуралья. Северная граница определяется источниками как «окружающее море», то есть «море мрака», таёжная зона; восточная граница проходила по Кузнецкому Алатау, далее на восток находилась страна кыргызов. Таким образом, Северный Алтай и южные районы Западной Сибири были сферой влияния кимако-кыпчаков или находились в политической зависимости от них, хотя некоторые территории могли включаться в состав государства только на недолгое время. Государство кимаков было полиэтническим объединением, в его состав входили не только кимаки, но и другие племена, не только тюркоязычные, но и тюркизируемые.

Сросткинскую культуру можно определить как государственную культуру кимаков. Формирование археологической культуры проходило на Верхнем Иртыше и на Северном Алтае, отсюда культурные традиции распространялись к северу и востоку, что привело к сложению вариантов сросткинской культуры.

Кемеровский вариант сросткинской культуры сформировался в результате синтеза местных и пришлых компонентов. Местными для территории Кузбасса являются традиции верхнеобской культурно-исторической общности, а пришлый компонент – алтае-телеский с преобладанием кыргызского. С предшествующего времени сохраняется обряд трупосожжения, использование бересты в погребальном обряде, деревянные перекрытия, ориентировка могил по линии северо-восток – юго-запад и др. Отдельные элементы погребального обряда и предметного комплекса близки северо-алтайскому варианту сросткинской культуры.

Кемеровский вариант отличается наибольшей сложностью, так как сформировался в самом восточном районе сросткинской культуры, практически на границе с кыргызами. В горах Кузнецкого Алатау есть тропы, которые до сих пор называются «кыргызскими» [Савинов 1994: 138]. В устье р. Анзас на горе Кайчак были исследованы погребения, совершённые по обряду кремации. Они сопровождались удилами и тремя наконечниками стрел, аналогичными существовавшим в то время у кыргызов. Захоронения на горе Кайчак являются погребениями кыргызов, входивших в состав воинского отряда, который выполнял охранные функции во время торгово-обменных операций с местным населением [Васютин 1997: 170-171]. Кыргызские наконечники стрел известны и на Гурьевском поселении. Какие-то группы кыргызского населения могли проникать на территорию Кузнецкой котловины и оказывать влияние на культуру местных племён.

Для каждого варианта культуры были характерны свои особенности, однако на всех памятниках присутствует набор инвентаря, который имеет культурно-дифференцирующее значение. Это предметы, относящиеся к убранству верхового коня – стремена с невысокой невыделенной пластиной, удила с восьмёркообразными кольцами, костяные изогнутые псалии с окончанием в виде «рыбьего хвоста» и украшения – серьги с полыми подвесными шариками, подвески в виде рыб.

Кроме того, к сросткинскому предметному комплексу относятся костяные и бронзовые пряжки с острым носиком, сердцевидные бляхи-решмы с личиной, изображения всадников с «нимбом», накладки сложносоставных луков и другой инвентарь. Для украшения предметов использовали растительную орнаментацию и «ажурный» стиль. Все эти вещи редко встречаются вместе в одном комплексе, но присутствие в погребении даже некоторых из них говорит о принадлежности памятника к сросткинской культуре [Савинов 1994: 103].

Сросткинский предметный комплекс существенно отличается от материалов верхнеобской культуры. Наиболее поздние памятники сросткинской культуры датируются концом X – началом XI вв., то есть сросткинская культура прекращает своё существование с распадом кимако-кыпчакского объединения в 30-х годах XI века, хотя сросткинские традиции могли существовать ещё долгое время.

Погребальный обряд в памятниках сросткинской культуры разнообразный. Сросткинские курганы, исследованные на территории Кузбасса, представляют собой земляные насыпи округлой в плане формы, иногда вытянутые в направлении север-юг. Захоронения совершались как по обряду трупоположения, так и по обряду трупосожжения. Трупоположения – это одиночные погребения в грунтовых ямах, ориентированные преимущественно на северо-восток. В ямах встречаются деревянные настилы и перекрытия с костями жертвенных животных, иногда в яме захоронена также лошадь. Также известны захоронения лошади в отдельной яме. В погребальном обряде могла использоваться береста.

Погребальные сооружения были разнотипными даже в пределах одного могильника. Так, в могильнике у с. Тарасово в Промышленновском районе в одном случае погребённый находился в срубе и был завёрнут в берестяное покрывало, украшенное геометрическим орнаментом, в другой могиле присутствовал деревянный настил [Бородкин 1977: 144].

В могильнике Ур-Бедари, исследованном М.Г. Елькиным в долине р. Ур у г. Гурьевска, сочетаются ингумации и кремации. Здесь умершие захоронены в срубах, в бересте, на деревянном настиле или в гробах. В одном из курганов под насыпью находилось девять могильных ям, причем восемь из них группировались вокруг центрального захоронения. В могилах находились одиночные захоронения, ориентированные на восток, остатки трупосожжений, зафиксированы сопроводительные захоронения лошадей или шкур лошади.

Для могильника Зимник в Юргинском районе также характерен биритуализм. В одном кургане был захоронен мужчина, ориентированный головой на северо-восток, он лежал под деревянным перекрытием на берестяной подстилке. В другом кургане одно захоронение было проведено по обряду кремации, второе – по обряду ингумации, это захоронение ребёнка 5-6 лет, ориентированное головой на северо-запад.

Интересным памятником является погребально-ритуальный комплекс, исследованный у д. Калтышино в Промышленновском районе. Он представляет собой земляной курган овально-подпрямоугольной формы, окруженный по периметру рвом. В могиле находился скелет мужчины, вытянуто на спине, головой на восток, справа от него находились череп и кости ног лошади.

Калтышинский погребально-ритуальный комплекс относят к кыпчакам или, по крайней мере, к одной из групп населения, входившей в состав объединения кыпчаков [Савинов 1997: 88]. В X – начале XI века на археологической карте Южной Сибири, в том числе и Кузнецкой котловине, памятники этого народа практически исчезают.

Этническая интерпретация археологических культур эпохи раннего средневековья представляет определённую сложность. Археологические материалы не дают представления о двух важных признаках: этническом самосознании и языке. Конечно, этническое сознание может выражаться в отличительных признаках материальной и духовной культуры, однако сама эта культура в археологических памятниках представлена фрагментарно. Тем не менее, археологическая культура в большинстве случаев свидетельствует о существовании этнической общности.

В VII – первой половине IX вв. памятники Кузнецкой котловины входят в верхнеобскую культурную общность. Эта общность сформировалась к середине I тысячелетия на основе памятников фоминского этапа, в результате смешения пришлого населения, носителей кулайской традиции, с местными племенами. Памятники верхнеобской общности оставлены самодийским населением. На эволюционное развитие самодийскоязычных племен Кузбасса оказывали влияние соседние кочевые народы. Это находит отражение в археологических памятниках, материалы которых свидетельствуют о постепенной тюркизации местного населения.

По археологическим памятникам фиксируются, по крайней мере, три миграционные волны тюркоязычного населения на территорию Кузбасса. Первая связана с падением Тюркских каганатов в середине VIII века и переходом власти в Центральной Азии к уйгурам, вторая волна может быть связана с падением Уйгурского каганата в середине IX века. Третья волна – это начало XI века, что связано с распадом кимако-кыпчакского объединения и окончанием эпохи кыргызского великодержавия. Процесс тюркизации был длительным, с течением времени самодийское население переняло язык, материальную и духовную культуру пришлых кочевников. Видимо, в XI веке тюркское и тюркизированное население уже преобладает над самодийским.

В XVII веке русские первопроходцы при освоении Кузнецкого края встретили здесь телеутов, шорцев, истоки культуры которых сформировались в эпоху раннего и развитого средневековья.

Список использованной литературы

Бобров, В.В. Атрибуты шаманского костюма из клада у села Лебеди (Кузнецкая котловина) [Текст] / В.В. Бобров // Клады: состав, хронология, интерпретация. – СПб., 2002. – С. 206-212.

Бобров, В.В. Жилище эпохи железа в предгорьях Салаирского кряжа [Текст] / В.В. Бобров, В.Н. Добжанский // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 100-107.

Бобров, В.В. Керамика поселения Смирновский ручей-1 [Текст] / В.В. Бобров // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тезисы докладов к региональной конференции 7-9 апреля 1982 г. – Иркутск, 1982. – С. 87-88.

Бобров, В.В. К проблеме валиковой керамики Притомья [Текст] / В.В. Бобров, И.В. Новгородченкова // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тезисы докладов областной научной конференции по разделам «Скифо-сибирская культурно-историческая общность»; «Раннее и позднее средневековье». – Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. – С. 156-159.

Бородкин, Ю.М. Курганы у села Тарасово [Текст] / Ю.М. Бородкин // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1977. – С. 139-147.

Васютин, А.С. Древние торговые пути Горной Шории [Текст] / А.С. Васютин // Шорский сборник. – Вып. II. Этноэкология и туризм Горной Шории. – Кемерово, 1997. – С. 165-172.

Васютин, А.С. Кузнецкая котловина в раннем средневековье (VII-IX вв.) [Текст] / А.С. Васютин // Краеведение Сибири. История и современность. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. – Кемерово, 1999. – С. 10-12.

Васютин, А.С. Погребальные костры позднего одинцовского могильника Ваганово-1 [Текст] / А.С. Васютин, И.В. Окунева // Четвёртые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. – С. 31-34.

Елькин, М.Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска [Текст] / М.Г. Елькин // Известия лаборатории археологических исследований. – Вып. 5. – Кемерово, 1974. – С. 119-129.

Кузнецова, Л.Ф. Лебединский клад как комплекс шаманского костюма [Текст] / Л.Ф. Кузнецова // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово, 2002. – С. 133-134.

Окунева, И.В. Лачиновская культура [Текст] / И.В. Окунева // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 36-64.

Савинов, Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья [Текст] / Д.Г. Савинов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – 215 с.

Савинов, Д.Г. Могильник Калтышино 1 (новые материалы по археологии начала II тыс.н.э.) [Текст] / Д.Г. Савинов // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 77-99.

Ширин, Ю.В. Древности Среднего Притомья [Текст] / Ю.В. Ширин // Очерки истории Кемеровского района. – Кемерово, 2004. – С. 14-28.

Ширин, Ю.В. Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау [Текст] / Ю.В. Ширин // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 65-76.

РУССКО-ЯПОНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В КОРЕЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА И «ПРОТОКОЛ НИСИ-РОЗЕНА»

Пименов П. С.
Тольяттинский государственный университет

Отечественная историография российско-японских дипломатических отношений достаточно богата и разнообразна [1]. Основные цели, которые в ней, так или иначе, преследовались это выявление колонизаторской, захватнической политики Российской Империи в Восточной Азии на рубеже XIX-XX вв. В настоящее время в связи с открытием ряда архивных фондов появилась возможность пересмотреть устоявшиеся научные постулаты.

В конце XIX века Россия, впервые в своей истории, начала проводить полномасштабную деятельность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, связанную с усилением экономического, политического и военного присутствия. Кроме того, российско-японские отношения вступили на путь открытого противостояния. Россия укрепляет свои позиции в Китае и Корее путем крупномасштабных капиталовложений и сооружения железнодорожных путей сообщения. Начиная с декабря 1897 года, из-за изменения приоритетов дальневосточной политики царской России, переключившей внимание с Кореи на соседнюю Маньчжурию. Активизация колониальных притязаний к этому региону со стороны ведущих западных держав и роста агрессивных экспансионистских устремлений Японии, в особенности по отношению к Корейскому полуострову, в конечном счете привели к тому, что обстановка на Дальнем Востоке стала коренным образом меняться.

В начале декабря 1897 года после сосредоточения английской эскадры в Инчхоне начались англо-японские переговоры. Вскоре Германия заняла порт Цзяо-Чжоу, а 4 (17) декабря в Порт-Артуре появились и первые русские суда. Японии, имевшей свои планы в отношении азиатских земель, показалось, что начинается расчленение Китая. Естественно, она не могла позволить, чтобы этот передел происходил без нее. Но «та часть китайского наследства, которая была уже давно намечена Японией, находилась в эти дни под негласным протекторатом Российской империи, – писал П.Н. Симанский. – [Японии] необходимо было спасти эту часть, избавить ее от русского протектората, восстановить [свое] влияние в Корее на равных правах с ее соперником» [2]. Все это становилось возможным только при условии, если бы Япония заключила с Россией новое соглашение. Иначе, когда все великие державы уже условились о разделе Китая, всякая борьба просто теряла смысл.

Последовательность, с какой Германия, а затем и Россия заняли китайские порты, указывала на имевшуюся у них договоренность по этому вопросу [3]. Ожидалось также, и не без оснований, что русские, начиная широкомасштабные действия на Дальнем Востоке, найдут поддержку со стороны французского правительства. Таким образом, Япония фактически оказалась перед лицом общего соглашения четырех крупнейших держав Европы (России, Германии, Англии и Франции), заинтересованных в упрочении своих позиций на Дальнем Востоке. По свидетельству наблюдателя, недаром «в японском лагере тревога, возбужденная русскими инструкторами, дошла до апогея» [4]. Поэтому уже в декабре 1897 года Япония неожиданно заявила в Париже, что соглашается на присутствие в Корее русского финансового советника, и в то же время надеется на возвращение себе определенных торговых преимуществ. Соглашение с Россией по этим вопросам, как рассчитывал японский кабинет, должно было обеспечить нормальное развитие ее торговых интересов, как в Китае, так и в Корее. Российский посол во Франции Моренгейм писал в Петербург: «Министр иностранных дел Японии С. Курино говорил, что Япония убедилась, что *сближение с Россией единственный исход при настоящих политических обстоятельствах* (курсив мой – П.П.)» [5].

Стремление токийского кабинета не могло не встретить благожелательного отношения в Петербурге. Россия приступала в эти дни к завершению одной из важнейших государственных задач – приобретению незамерзающего порта. Главным военно-морским соперником России в то время являлась Англия. Англичане усилили свой флот в китайских водах и устроили демонстрацию своей военно-морской мощи. Перевес той или другой стороне могла дать только Япония. Однако в сложившейся ситуации Россия могла реально рассчитывать только на собственные силы. И намеки токийского кабинета на разработку нового соглашения по Корее рассматривались в Петербурге положительно, что позволило разрядить обстановку хотя бы на Корейском полуострове.

Но России предстояли трудные переговоры с Китаем. Необходимо было оформить занятие на Ляодунском полуострове Порт-Артура и Талиенвана (Дальнего) и закрепить за собой обладание этими незамерзающими портами. В случае несогласия Китая, несмотря на провозглашенные дружеские отношения [6], могла понадобиться вооруженная сила. Мог возникнуть и союз Англии, Японии и Китая, а сражаться с такой коалицией у России на Тихом океане явно не было достаточных сил и средств. Поэтому российскому правительству требовалось если не перетянуть японцев на свою сторону, то, во всяком случае, покончить с имеющимися трениями. Это казалось возможным, так как выяснилось, что Японию не столько беспокоил русский отряд, появившийся в Порт-Артуре, сколько русские, работавшие в Корее. «Она (Япония – П.П) хорошо понимала необходимость